

длины (см. об этом: Эллинистическая техника: Сб. статей / Под ред. И. И. Толстого. М.; Л., 1948. С. 281—282, 292; Дильс Г. Античная техника / Пер. и примеч. М. Е. Сергеевко, П. П. Забаринского; Под ред., предисл. С. И. Ковалева. М.: Л., 1934. С. 95). Для сравнения укажем, что современный пистолет предназначен для поражения живой силы на расстоянии, не превышающем 50—70 м.

А. И. РОМАНЧУК, О. Р. БЕЛОВА
Уральский университет

К ПРОБЛЕМЕ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

В урбанистических штудиях последних лет одно из центральных мест занимают вопросы городской топографии¹ и в значительной мере связанные с нею проблемы городской культуры², поскольку в «феномене «культура» органически сочетаются, сливаются воедино материальная и духовная сферы создателей, творческая деятельность людей, направляемые разумом, трудом и талантом человека»³. В данном плане городская культура — это результат деятельности горожан, выраженный в особенностях планировки, размерах и видах общественных и частных построек. В конечном итоге, говоря о городе как кумуляции достижений человечества, мы должны учитывать и особенности его архитектурно-топографического облика. Примечательны описания городов средневековыми авторами, которые обращали внимание на особенности оборонительных сооружений, удобства и ширину улиц и площадей, на размеры и вид жилых домов⁴. Поэтому при рассмотрении раннесредневековой городской культуры Херсонеса следует обратить внимание на его историко-топографические особенности как специфику проявления совокупности материальных и духовных ценностей в тех материальных остатках, которые открыты в ходе археологических раскопок. Эти аспекты имеют большое значение не только для Херсонеса, провинциального византийского города, но и других городских центров Византии, поскольку единая стадия исторического развития при всех локальных особенностях не может не выражаться проявлением общих закономерностей. Историко-топографические штудии чрезвычайно сложны, поскольку наши знания о раннесредневековом византийском городе ограничены. Данное обстоятельство порождено прежде всего двумя причинами: 1) малочисленностью письменных источников и их характером⁵; 2) слабой археологической изученностью византийских городов⁶. Поэтому, прежде чем мы приступим к анализу состояния городской культуры Херсонеса, его историко-топографических особенностей в раннесредневековый период, необходимо рассмотреть все известные нам раннесредневековые

комплексы. При этом мы оставляем в стороне дискуссию о византийском городе в период «темных веков». В данном случае наша задача несколько иная: собрать воедино все факты, которые свидетельствуют о том, что, несмотря на возможный упадок, стагнацию византийских городов, в Херсонесе имело место строительство, которое позволяет судить, что здесь сохраняются некоторые традиции градостроительной культуры античной эпохи.

Территория Херсонесского городища делится на районы: портовый, северо-восточный (кварталы вдоль главной улицы), центральный, северный, северо-западный и юго-западный. Если считать, что город характеризует определенная достаточно плотная застройка, то, исходя из особенностей топографии городища, следует поставить первый вопрос: имеются ли строительные остатки, находки раннесредневекового периода в каждом из названных районов? Следует отметить, что археологическая изученность каждого из районов неравнозначна: систематические раскопки производились в северном, северо-восточном и портовом районах. В дореволюционный период в центре города открыт ряд культовых комплексов, остальные районы Херсонесского городища подвергались только эпизодическим обследованиям. Рассмотрим археологические комплексы каждого из районов в отдельности.

В юго-западном районе В. А. Кутайсовым в 1977—1979 гг.⁷ исследован четырехапсидный храм, открытый в 1893 г. Археологическая ситуация по материалам раскопок последних лет в данном месте выглядит следующим образом. С I—II вв. до IV в. н. э. здесь располагался бассейн, затем была построена печь для обжига извести, внутри которой обнаружен материал VI—VII вв., позднее над печью возведен храм, разрушенный в IX—X вв.⁸ Керамика из нивелировочного слоя под первым полом храма относится в VI—VII вв., построен он, по мнению автора раскопок, в конце VI—VII вв., в связи с канонизацией первых херсонесских епископов⁹. Не останавливаясь на характеристике находок (см. табл.), отметим, что строительство и функционирование храма приходится как раз на интересующий нас период. К сожалению, территория вокруг храма не исследована, поэтому мы не можем в целом представить характер застройки, но можно полагать, что культовое здание находилось не на пустыре, а в окружении гражданских или общественных зданий (см. рис. 1).

Другая исследованная территория на юге городища — большой участок у оборонительных стен, изучавшийся экспедицией ГИМа. По мнению Н. В. Пяташевой, исследованный ею объект — большое здание с термами и бассейном — результат деятельности первого херсонесского стратига Петроны Каматира (30-е гг. IX в.)¹⁰. Вполне вероятно, что сооружение котлована для бассейна и нивелировочные работы перед значитель-

Таблица

Соотношение типов амфор в раннесредневековых комплексах Херсонеса *

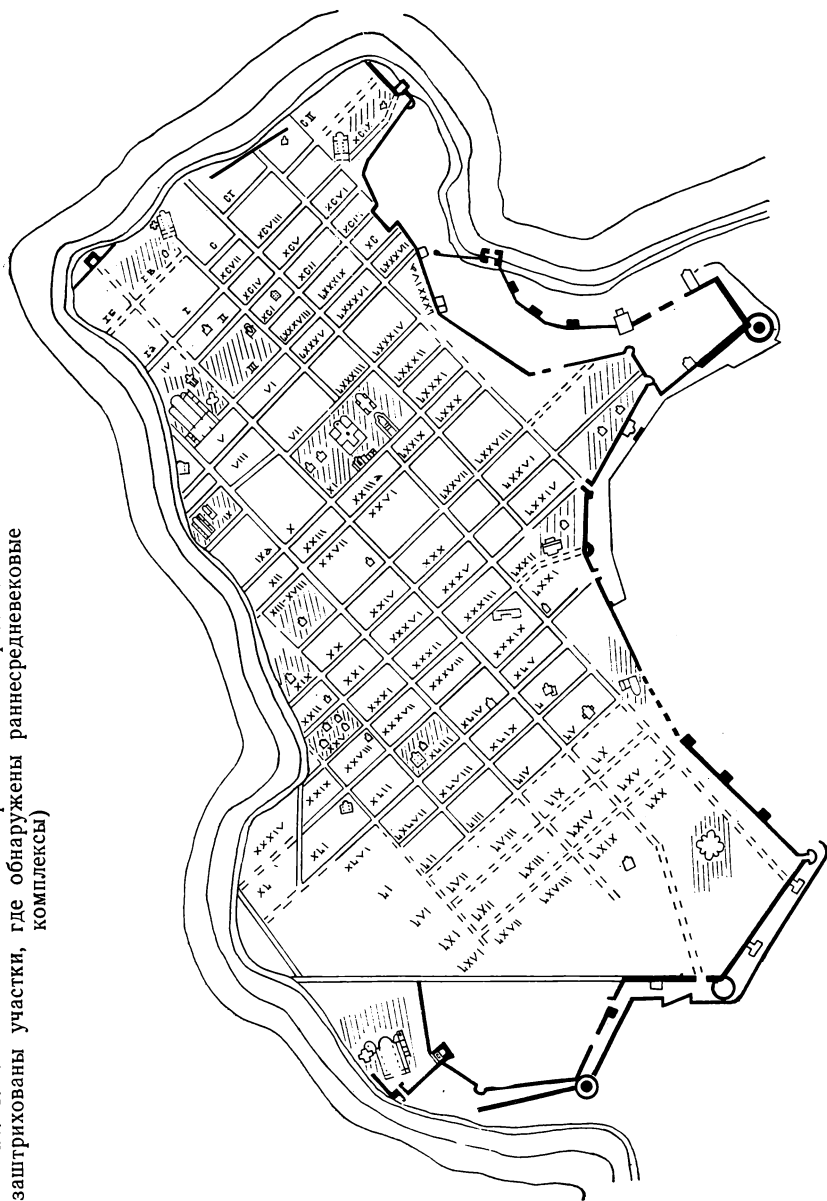
Тип амфор	Место находок						
	Четырех-апсидный храм	Портовый квартал 1. Слой разрушения середины VII в.	Портовый квартал 1. Цистерна 92	Портовый квартал 2. Засыпь пифосов	Портовый квартал 2. Слой горения	Квартал 1. Засыпь колодца	Квартал 3
I	+	—	—	+	+	—	+
II	+	+	+	—	—	—	+
III	+	+	—	+	+	+	—
IV	+	—	—	+	+	—	—
V	+	+	+	—	—	—	—
VI	+	+	—	+	—	+	+
VII	+	—	—	—	—	(вариант)	—
VIII	+	+	—	—	—	—	+
IX	+	—	—	+	+	+	+
X	+	+	—	+	—	—	+
XI	+	+	+	—	—	—	—
XII	—	+	—	+	+	+	—
XIII	+	+	—	+	+	—	—

* См.: АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7.

ным по размаху строительством уничтожили постройки более раннего времени, однако не вызывает сомнений, что этот район был заселен в раннесредневековый период. На это указывает встречавшийся в ходе раскопок материал, относящийся к VI—VIII вв.: красноглиняные сосуды, покрытые красной обмазкой, вертикальный край которых украшен орнаментом в виде косых и прямых насечек, и кувшины-ойнохои, расписанные белым ангобом¹¹. Оба вида керамики местного производства, о чем свидетельствует находка двух костяных штампов для нанесения орнамента и керамический брак ангобированных кувшинов. Если учесть, что блюда с вертикальными бортиками встречаются в слоях VII в.¹², а производство кувшинов, украшенных ангобом, начинается в VIII в.¹³, то эти находки имеют большое значение для изучения материальной культуры и гончарного ремесла раннесредневекового Херсонеса.

Участок северо-западного района города, где производились раскопки — это территория, примыкающая к 1-й и 2-й куртинам оборонительных стен. К рассматриваемому периоду относится ряд последовательно возводившихся комплексов. Но прежде чем анализировать их, необходимо остановиться на хронологии строительства западной средневековой линии фортификации Херсонеса. И. А. Антонова, изучавшая этот участок стен, выделила для 1-й и 2-й куртин три периода строительства. В первый

Рис. 1. Схематический план Херсонесского городища
(заштрихованы участки, где обнаружены раннесредневековые
комплексы)

были возведены куртины 1 и 2, затем на расстоянии 3,3 м от стыка 2-й куртины с 1-й были сооружены ворота. Стена имела толщину 2,0 м и построена (судя по монетам Юстиниана в ее кладке) не ранее середины VI в. Кроме монет были обнаружены блюда с вертикальным бортиком и насечкой¹⁴, как на участке Н. В. Пятышевой.

Во второй период строительства утолщена кладка 1-й куртины, а неподалеку от стыка ее со 2-й, почти на месте ворот, возведена башня. В третьем строительном периоде кардинально меняется направление 2-й куртины и создаются куртины 3 и 4¹⁵. В результате этого строительства, которое на основании находок датировано IX—X вв., территория города увеличилась. В отличие от первого и третьего строительных периодов, хронология которых определяется достаточно четко, второй период, относящийся ко времени между серединой VI и IX—X вв., не датируется на основании находок. Но то, что он приходится на VII—VIII вв., не вызывает сомнения.

Достаточно интенсивным было строительство в городской черте. В VI в. здесь сооружена рыбозасолочная цистерна № 33¹⁶ и помещение А, строятся часовни, усыпальницы, западная базилика и, наконец, на фундаменте древней западной стены, оказавшейся на городской территории после переноса линии обороны, возникают какие-то помещения, погибшие в XI в.¹⁷

Таким образом, на участке около западных стен, относящемся к VI—XI вв., выявлены разновременные сооружения. Правда, все они, за исключением цистерны 33 и связанного с нею помещения А, могли функционировать одновременно. Логично предположить, что цистерна, построенная после середины VI в., должна была, хотя бы в течение кратковременного периода, использоваться по назначению и была засыпана в ходе нивелировки участка перед возведением культовых построек. Следовательно, часовня, усыпальницы и западная базилика не могли возникнуть ранее конца VI — начала VII в.¹⁸

Оценивая результаты раскопок северо-западного и южного участков городища, необходимо признать, что даже на небольших по размерам площадях достаточно четко выделяются раннесредневековые постройки, возникшие в VI в. и существовавшие позднее.

Обратимся к северному району¹⁹, относительно которого в отчетах отмечается, что «...находки раннесредневековой керамики крайне слабо изучены. Это обстоятельство всегда являлось тормозом для выявления раннефеодального слоя Херсонесского городища и тем самым материальной культуры средневекового Херсонеса и Таврики в целом»²⁰. Объясняя причину малочисленности находок VI—IX вв., авторы отчетов по северному району пишут, что «полная картина стратиграфии средневековых слоев редко наблюдается из-за разрушений»²¹, что раннесредневековые остатки немногочисленны, так как «они подвер-

гались разрушению при строительных работах последующего времени»²². Другой причиной, если рассматривать кварталы XXV и XIX, являлось: во-первых, возведение в раннесредневековый период и функционирование до конца X — начала XI вв. двух базилик, рядом с которыми частных или иных строений совсем не было; во-вторых, в конце X или начале XI в. город пережил катастрофу, во время которой здания были сильно разрушены. Даже от таких крупных сооружений, как базилики, остались весьма небольшие остатки, что же могло сохраниться от жилых небольших построек²³.

Вместе с тем, излагая результаты работ в квартале XVIII, исследователи писали, что стены двора и кладовой IX—X вв. непосредственно лежат на раннесредневековых стенах, которые образуют их цоколь. «Таким образом,— сделали вывод археологи,— эти наблюдения дают основание не только констатировать непрерывность жизни в квартале в первой половине средневековья (VI—IX вв.), но и тот факт, что при строительстве IX—X вв. в основном удерживалась планировка более древней усадьбы»²⁴.

Учитывая приведенные выше замечания, следует обратить внимание, прежде всего, на время строительства и разрушения базилик северного района. Базилика 1932 г. (квартал XXV) была построена в VI или VII в.²⁵ Строительство базилики 1935 г. (квартал XIX) Г. Д. Белов относил к V в. и считал, что в VI в. она была основательно перестроена²⁶. Обе базилики функционировали до конца X — начала XI вв.²⁷ Раскопки квартала XV (к востоку от базилики 1935 г.) позволяют уточнить периодизацию строительства. Здесь на расстоянии 16,5 и 14,5 м от плеча базилики были открыты две рыбозасолочные цистерны Е и Ж²⁸, засыпанные, по мнению авторов раскопок Г. Д. Белова и А. Л. Якобсона, в VI в. в связи с «необходимостью нивелировки местности при больших строительных работах»²⁹. В отчете сказано: засыпь цистерны Е однородна и содержит большое количество обломков посуды, аналогичной посуде из цистерны Ж³⁰. Анализ монет из засыпи цистерны Е позволяет уточнить время проведения нивелировки участка. Так, самая поздняя монета из ее засыпи относится к периоду правления Ираклия или Константина (641—668). Даже если не принимать во внимание эту монету, определение которой не отличается точностью, то время проведения нивелировки участка можно определить по монете Маврикия и Константа (582—602)³¹. Поскольку засыпь цистерны Е однородна и единовременна, что особенно подчеркнуто в отчете, монета конца VI — начала VII в. попасть в нее, если бы она была засыпана ранее, не могла. Поэтому мы должны датировать начало больших строительных работ, в ходе которых участок квартала XV нивелировался, концом VI — началом VII в. Позднее базилика была перестроена и существовала до рубежа X—XI вв., сле-

довательно, перестройка приходится на период после конца VI — начала VII в.³²

Территория кварталов XIX и XXV была занята в основном такими фундаментальными постройками, как базилики, рядом с которыми другие сооружения были малочисленными, но существовали. Так, Г. Д. Белов отметил, что базилика квартала XXV и другие здания, находящиеся под насыпью второго слоя, были разрушены одновременно³³. Находки же на полу, относящиеся к концу IX—X в., характеризуют не весь период их бытования, а только последний³⁴. Следы строительства и перестроек сохранились в цистерне, расположенной под помещением 5. На дне ее был выявлен слой мощностью 0,2 м с наиболее поздними монетами Юстиниана I — свидетельство нивелировки участка. Затем цистерна дважды использовалась как яма для гашения извести: первый слой извести залегал на высоте 0,2 м от пола цистерны, второй — на 0,85 м. Второй слой датируется VIII—X вв.³⁵ Возможно, он возник во время перестройки храма.

Раннесредневековые строительные остатки (VI—X вв.) в квартале XXV открыты также под поздними помещениями. Это помещения 9а, 12а, 21а. К сожалению, позднее строительство в значительной мере разрушило их, поэтому нет возможности выявить план построек, который был бы чрезвычайно важным для изучения материальной культуры раннего средневековья. Строительство помещений 9а, 12а, 21а Г. Д. Белов отнес к первой половине средневековой эпохи, гибель — к рубежу X—XI вв.³⁶

В то же время в квартале, расположенном к востоку от базилики 1932 г., выявлен только слой XII—XIV вв. (помещения 1—12). Однако это не является свидетельством того, что здесь не было более ранних построек.

Процесс уничтожения археологического материала достаточно четко фиксируется ходом строительства базилики 1932 г., стены которой возведены на скале. Скорее всего перед ее строительством были убраны все ранние строительные остатки. В некоторых случаях и в более позднее время нивелировка участка для нового строительства приводила к подобным результатам. Это обстоятельство следует постоянно учитывать. То, что раннесредневековых слоев и строительных остатков не выявлено в ходе раскопок, не означает того, что их вообще не существовало.

Раннесредневековые комплексы обнаружены в кварталах XV и XVI. К ним относится ряд помещений (20—24, 25—28), примыкающих к 1-й поперечной улице³⁷. Они были сооружены в VI в. и существовали до конца X в., т. е. возникли и погибли одновременно с базиликой в квартале XIX. От VI—X вв. сохранилось несколько помещений в северо-западной части квартала XVII, около II продольной улицы, под поздними помеще-

ниями 1, 8, 22. На остальной территории квартала под постройками XII—XIV вв. выявлен только слой с материалами IX—X вв.³⁸

Разрозненные строительные остатки раннесредневекового времени обнаружены и в квартале XVIII, где в римский период находилась винодельня и синхронный ей колодец В. В ранне-средневековый период над колодцем строится здание, от него сохранилась стена с дверным проемом, позднее, в IX—X вв., дверной проем был заложен, и два смежных помещения (7 и 8) оказались изолированными друг от друга³⁹.

Особое внимание в данном квартале заслуживает помещение 6, поскольку раскопки его позволили открыть «интересную картину стратиграфии средневековых слоев, редко наблюдаемую из-за разрушений»⁴⁰. В насыпи, датируемой второй половиной VI в., перекрывавшей остатки винодельни, сооружено основание стены Д. Это позволило Г. Д. Белову отнести строительство ко второй половине VI—VII в. Помимо сосудов VI—VII вв. (красноглиняные блюда с вертикальным бортиком и насечками, амфорами с волнообразным гребенчатым рифлением — тип XII), найдена амфора VII—VIII вв.⁴¹ В следующий строительный период (IX—X вв.) в помещении 6 сооружены стены А—В⁴². Следует отметить, что в соседних помещениях 7 и 8 прослежено продолжение стен первого и второго строительных периодов.

Характеризуя раннесредневековое строительство, нельзя не отметить водостока, возникшего одновременно с базиликой 1935 г. или несколько позднее ее. В это же время к базилике пристраиваются помещения Ш—Щ и Г—Ц⁴³.

Приведенные материалы позволяют предполагать достаточно стабильную жизнедеятельность на протяжении всего раннесредневекового периода. Они свидетельствуют также о чрезвычайно сложной стратиграфии Херсонесского городища, где из-за поздних перестроек не везде выделяются слои и комплексы интересующего нас времени. Мало способствуют датировке выделяемых слоев и строительных остатков монеты, малочисленные для VII—VIII вв.⁴⁴

Достаточно наглядной в плане использования монет для датировки раннесредневековых комплексов является ситуация, выявленная при раскопках в портовом квартале 1. Здесь на юго-восточном участке был обнаружен дом, построенный в VI в. и погибший от пожара в VII в. Слой разрушения был насыщен многочисленной и разнообразной керамикой, дающей представление о видах амфор, горшков, столовой посуды, черепицы VII в. Примечательно соотношение монет: не определенных — 12 экз., IV—V вв. — 8, VI в. — 7, VII в. — 1 экз. (Константа II)⁴⁵. Если бы не была найдена последняя монета, мы с полным правом могли бы отнести комплекс к VI в., так как керамику в равной степени можно датировать и VI, и VII в.⁴⁶

Позднее участок, где был расположен дом VI—VII вв., превращен во двор усадьбы. По двору проложили водосток, соединяющийся с магистральным каналом, идущим по внутриквартальному переулку. Через некоторое время здесь снова строится дом, в одном из помещений которого находился пифос. Наконец, в IX—X вв. в ходе перепланировки над засыпанным пифосом построена стена нового жилого дома. Таким образом, между VII и IX—X вв. мы видим следы двух строительных периодов⁴⁷. Возможно, с усадьбой VIII в. был связан колодец, в засыпи которого найдены амфоры с зональным рифлением и амфоры, украшенные по тулову зонами рифления и расположенными между ними волнообразными линиями.

В центре квартала также были обнаружены материалы, аналогичные встреченным в слое разрушения середины VII в. Здесь же открыты остатки водостока VII—VIII вв., ложе которого было вымощено кирпичами, а боковины сложены из каменных плит, под печи VI—VII вв., часть каменной вымостки, принадлежавшей дворику с колодцем, выкопанным в позднеантичную эпоху, но использовавшимся и в VI—VII вв.⁴⁸, а также цистерна для засолки рыбы и кладовая с пифосами, которая была засыпана в последней трети IX в.⁴⁹

На северо-западном участке квартала находилась еще одна цистерна № 92, функционировавшая до конца VI—начала VII в.⁵⁰

Таким образом, и в портовом районе раннесредневековые строительные остатки малочисленны. Сохранение слоев являлось делом случая, чаще всего, как и в северном районе, они уничтожались в более позднее время.

Достаточно четкая картина разрушения и последовавшего за ним строительства раннесредневекового периода была выявлена на юго-восточном участке портового квартала 2 в ходе раскопок 1985—1986 гг.

В позднеантичный период здесь существовал значительный по размерам комплекс. В его состав входило несколько хозяйственных помещений (в двух из них обнаружено 3 пифоса), большая кладовая с четырьмя пифосами (высота около 2,2 м, максимальный диаметр тулова 1,6 м, радиус венчика 0,35 м), в другой полуподвальной кладовой обнаружено 7 остродонных амфор с сужением тулова (вариант I типа; рис. 2)⁵¹. Определить время строительства усадьбы не представилось возможным. В значительной мере сложность изучения стратиграфии на данном участке порождена близостью грунтовых вод. Можно только отметить, что пифосы были вкопаны в засыпь с материалами первых веков нашей эры.

Более определенно можно говорить о времени разрушения здания. В полуподвальной кладовой сохранились остатки кровли, лежавшей на слое угля, разложившегося под воздействием грунтовых вод. Слой угля находился непосредственно на полу

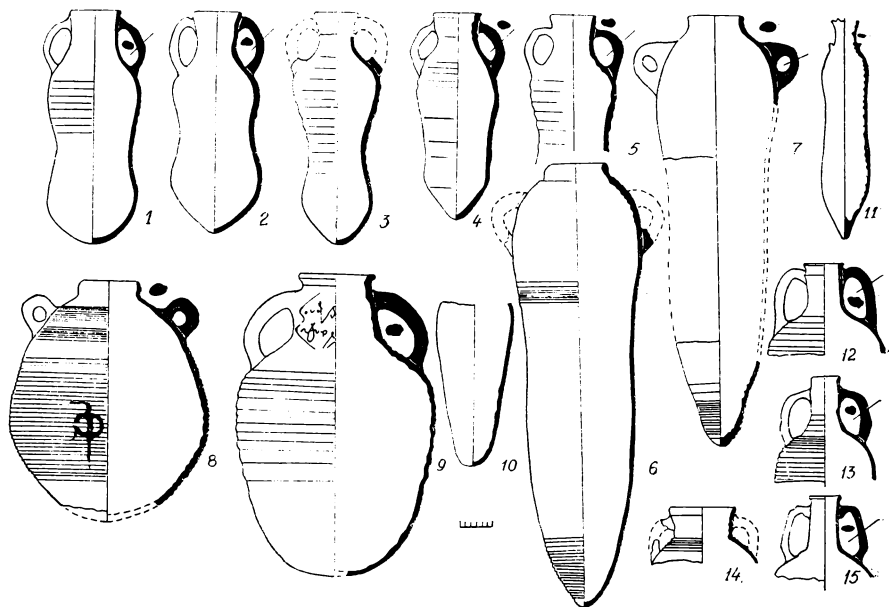

Рис. 2. Находки из слоя разрушения VII в. портового квартала 2:

1—5 — варианты амфор I типа; 6—7 — III типа; 8 — IV типа; 9 — VIII типа

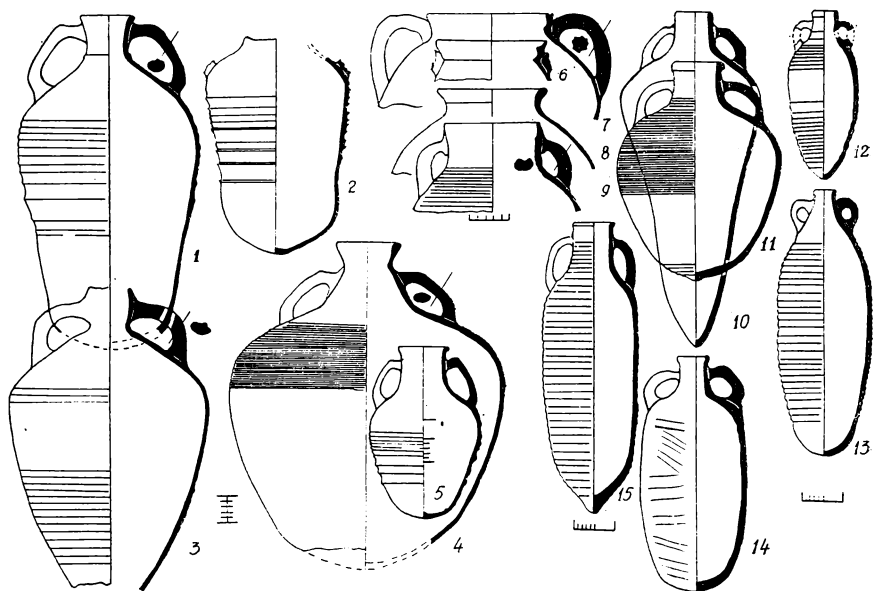

Рис. 3. Раннесредневековая керамика Херсонеса:

1—9 — из слоя разрушения VII в. портового квартала 2; 1—3 — амфоры IX типа; 4 — XII типа; 5 — IX типа; 6—9 — горшки; 10 — амфора II типа; 11 — XI типа; 12—13 — V типа; 14 — VII типа; 15 — VI типа

и перекрывал упомянутые выше амфоры, рядом с которыми обнаружено несколько монет III—VI вв. и одна монета Тиберия II (698—705).

После пожара участок был снивелирован. В ходе нивелировки пифосы засыпаны. В засыпи их наряду с небольшим количеством земли и камня оказались все те амфоры, которые в момент пожара находились в хозяйственных помещениях. Всего из засыпи пифосов извлечено около 40 раннесредневековых амфор, которые относятся к I, III, IV, VI, IX, X, XII и XIII типам (см. рис. 2—3), две тонкостенные амфоры так называемого самосского типа⁵², большое количество фрагментов краснолаковых блюд с вертикальным венчиком, украшенным насечкой, амфориски, обломки стеклянных сосудов. В слое пожара в полуподвальной кладовой встречена только тарная керамика (см. табл.).

Следующий период строительства представлен зданием, часть стен которого сложена в технике *opus mixtum*. От него сохранилось два помещения, двор с колодцем и сооруженный в этот же период водосток. Следует отметить, что между гибелью комплекса с пифосами и новым строительством прошло незначительное время: фрагменты амфор, аналогичные встреченным в пифосах, оказались в растворе, с помощью которого возводились стены, а водосток перекрывает один из пифосов. Таким образом, здание с кладкой в технике *opus mixtum* было построено скорее всего во 2-й половине VII—начале VIII в. и существовало до конца X—начала XI в. Время его гибели достаточно четко определяется по слою разрушения: остатки кровли в одном из помещений, скопление плоскдонных кувшинов с ленточными ручками (тип XX) и желобчатых амфор (рис. 2), монеты Василия II (976—1025) на полу и в засыпи, перекрывавшей слой разрушения.

Таким образом, археологическая ситуация, выявленная в двух портовых кварталах, свидетельствует, во-первых, о значительных разрушениях VII в., во-вторых, о сравнительно быстром восстановлении застройки, непрерывной жизнедеятельности и обитании на территории портового района в раннесредневековый период. Значение материала из слоя разрушения VII в. еще и в том, что он позволяет установить виды керамики, бытовавшей одновременно.

Наблюдая картину разрушений, которая фиксируется в портовом районе в слое VII в., нельзя не поставить вопроса о причинах возникшего здесь пожара. Малочисленность письменных источников затрудняет согласование археологической ситуации с конкретными политическими событиями. Правда, нам известно одно такое событие, но несколько более позднего времени, которое могло привести к разрушениям и пожарам в Херсонесе. Феофан, рассказывая о судьбе Юстиниана II, отбывавшего ссылку в городе, пишет, что в 711—712 гг. возвратившийся на престол император снарядил большую эскадру против горожан.

Ромеи, прибывшие к Херсонесу, захватили крепость, казнили семь протевонов, а сорок других знатных горожан вместе с семьями отправили в Константинополь. Но для того, чтобы сломить сопротивление херсонеситов, этих мер оказалось недостаточно, поэтому была снаряжена вторая эскадра. В это время горожане провозгласили ссыльного Вардана-Филиппика императором. Тогда Юстиниан II отправил под командованием Мавра Бесса флот, которому были приданы осадные машины, с приказом разрушить стены Херсонеса. Мавр успел разрушить только две башни — Кентенарисий и Сиагр⁵³. Один из крупнейших исследователей фортификации Херсонеса А. Л. Бертье-Делагард отождествлял эти башни с башнями 17 и 18, расположенными в портовом районе⁵⁴. Следует отметить, что разрушение этих башен, если именно они пострадали во время экспедиции Мавра, не могло привести к захвату города, так как от участка цитадели, в систему обороны которой они входили, городская территория отделена достаточно мощной куртиной.

Вне зависимости от того, можно ли связывать события, описываемые Феофаном, с разрушениями, выявленными в портовом районе, для нас важно его указание на мощь стен Херсонеса в VIII в. Последнее вполне согласуется с археологической ситуацией, открытой И. А. Антоновой при исследовании фортификации в портовом и западном районах. Так, для средневекового периода она отмечает строительство стен VI в., кардинальные перестройки VII—VIII вв., возведение заново некоторых участков стен и ремонты в X—XI вв.⁵⁵

Мы рассмотрели ряд участков Херсонесского городища. На каждом из них отмечается несколько вариантов развития градостроительства: строительство VI в. — начала VII в., функционирование отдельных сооружений на протяжении всего периода раннего средневековья, разрушения и пожары VII в. с последующими перестройками.

Для выявления степени заселенности и характера застройки городской территории могут быть привлечены также материалы северо-восточных кварталов, расположенных вдоль главной улицы города. Относительно данной территории следует отметить, что несколько кварталов (I—VII) раскапывалось К. К. Косцюшко-Валюжиничем и Р. Х. Лепером. Четкое хронологическое определение всех материалов и комплексов отсутствует, лишь суммарно выделены три слоя: VII—II вв. до н. э., I—IX вв., X—XI вв. — конец жизни города⁵⁶. Все это значительно снижает качество имеющихся в нашем распоряжении археологических источников. В то же время в дневниковых записях Р. Х. Лепера отмечено, что глазурованная керамика в некоторых помещениях лежала непосредственно на скале. Вероятно, во время поздних строительных работ были уничтожены (убраны, сдвинуты в ямы, колодцы) раннесредневековые напластования.

В сущности, только два участка раскопок в данной части

городища позволяют с уверенностью констатировать наличие раннесредневекового материала. Это колодец, засыпанный во время перепланировки площади перед восточной базиликой, и слой в квартале III, образовавшийся в результате разрушения дома IV—VI вв. и последующего строительства, возможно, VII—VIII вв.

Колодец, судя по монетам Тиберия-Маврикия, был засыпан в конце VI — начале VII в.⁵⁷ В его заполнении обнаружена керамика, типичная для раннего средневековья (см. табл.). В квартале III выявлена следующая ситуация. До IV в. здесь существовало большое римское здание, после гибели которого северо-восточные помещения были восстановлены и использовались до VII — начала VIII в. Северо-западная часть разрушенного здания сnivelирована и превращена во двор, перекрытый навесом. К сожалению, характер и периодизация застройки около данного здания не выявлены. Возможно, следы раннего строительства были уничтожены. Раскопки Херсонеса дают большое количество примеров уничтожения культурного слоя. В том же квартале III при строительстве бани в IX в. земля и все ранние сооружения были снесены, а территория очищена до скалы⁵⁸.

Анализ общей ситуации градостроительства позволяет с уверенностью говорить о том, что кварталы северо-восточного района были достаточно плотно заселены на протяжении всего средневекового периода. В этом убеждает наличие значительного числа храмов, которые, будучи построенными в начале средневековья, функционировали до X—XI вв., а в некоторых случаях и до конца существования Херсонеса. К числу их относятся культовые сооружения на центральной городской площади, восточная, Уваровская и северная базилики. При раскопках последней выявлены две перестройки в период между VI и IX вв.⁵⁹

Именно в период раннего средневековья в Херсонесе распространяются новые архитектурные принципы: наряду с базиликами возводятся крестово-купольные храмы. Правда, масштабы строительства культовых зданий после VI—VII вв. не столь значительны. Помимо экономических причин, это могло быть обусловлено тем, что до X—XI вв. функционировали практически все базилики. К зданиям нового архитектурного облика относится храм 29. Он был возведен в VIII—IX вв.⁶⁰ на центральной городской площади, которая, начиная с VI в., становится своеобразным идеологическим центром города.

Итак, какие же выводы о городской культуре и топографии Херсонеса позволяют сделать имеющиеся материалы?

Территория города на протяжении всего раннего средневековья являлась достаточно плотно заселенной. Прежде всего, портовый район и отдельные исследованные кварталы северо-восточного и северного районов.

Новым элементом топографии Херсонеса в раннесредневеко-

вый период стали базилики, которые сохраняют свое значение как функционирующие культовые здания до рубежа X—XI вв. Вместе с тем в конце рассматриваемого периода (VIII—X вв.) возникает новый тип культовых сооружений — крестово-купольные храмы.

Участки городской территории около общественных зданий (храмов), согласно традициям античного времени, не застраивались частными домами или же застройка таких территорий не была плотной.

Строительство велось на протяжении всего рассматриваемого периода. В процессе его сохранили значимость достижения античной городской планировки: принципиально не изменились линии продольных улиц и большей части поперечных, обрамлявших кварталы прямоугольной формы.

Высокий уровень городской культуры Херсонеса подчеркивает наличие системы водосточных каналов⁶¹, частных и общественных бань⁶² и расположение производственных сооружений преимущественно за пределами оборонительных стен⁶³.

Специфический вид Херсонесу, помимо храмов и четкой планировки кварталов, придавали оборонительные стены, являвшиеся предметом постоянной заботы горожан в этот бурный период.

Приведенные характеристики не дают полного представления о повседневной культуре горожан, их эстетических и художественных идеалах. Эта задача решается на более широком круге источников и выходит за рамки данного исследования.

¹ Ярким свидетельством этого является постановка вопросов городской топографии на XVII конгрессе по истории Византии (Вашингтон, 1986).

² См., напр.: Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: Сб. статей. Алма-Ата, 1983. В сборнике анализируются следующие аспекты: общие вопросы топографии городов, общественные сооружения, планировка кварталов, размещение и размеры улиц, площадей, характер частной застройки.

³ **Удальцова З. В.** Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры // ВВ. 1980. 41. С. 46—46. Ср.: Введение // Культура Византии, IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 6.

⁴ См., напр. описание городов в кн.: **Джубайр Ибн.** Путешествие / Пер. с араб. Л. А. Семеновой. М., 1984.

⁵ Эти особенности письменных источников охарактеризованы С. Манго, который пишет: «Существуют ли различия между письменными источниками и реальной действительностью? Отмечу только один наиболее отчетливый факт: каждодневные занятия не рассматривались в Византии подходящими сюжетами для литературы» (**Mango C.** Byzantine Literature as a Distorting Mirror // An Inaugural of Lecture Delivered Before the University of Oxford on 21 May 1974. Oxford, 1975. P. 17).

⁶ Об этом см.: **Rosser J. H.** A Research Strategy for Byzantine Archaeology // Byzantine Studies. 1979. Vol. 6. P. 152—154, 156; **Bouras Ch.** City and Village: Urban Design and Architecture // *ЮВ*, 1981. 31/2. P. 611—653.

⁷ См.: **Кутайсов В. А.** Четырехкупольный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1. С. 155—167.

⁸ См.: Там же. С. 161.

⁹ См.: Там же. С. 167. Следует также отметить, что в четырехкислотном храме выявлено два строительных периода.

¹⁰ См.: Пятышева Н. В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного исторического музея. М., 1969. С. 150.

¹¹ См.: Там же. С. 151, 155.

¹² См.: Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 33—34.

¹³ См.: Там же. С. 37.

¹⁴ См.: Антонова И. А. Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 63.

¹⁵ См.: Там же. С. 60—67.

¹⁶ На основании материалов из склепа, вход в который перекрывала стенка цистерны, она была датирована временем не ранее середины V в. (См.: Романчук А. И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1977. Вып. 14. С. 26). После определения периодизации строительства стен возникновение цистерны не может быть отнесено ко времени ранее середины VI в., так как находиться за пределами города она не могла.

¹⁷ См.: Суров Е. Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 138.

¹⁸ Следует также отметить, что с внешней стороны оборонительных стен находился ров, который начали сооружать в X в., но по каким-то причинам работы были остановлены. Строители проложили ров параллельно оборонительной стене и остановились на расстоянии около метра от склепа, вход в который закрывала плита с надписью, датированной на основании палеографии VIII в. Склеп представляет интерес неординарностью захоронений, позволившей исследователям предположить, что он входил в состав монастырского комплекса наряду с западной базиликой (см.: Антонова И. А., Рыжов С. Г. Оборонительный ров и могильник вблизи первой куртины стены Херсонеса // Археологические исследования на Украине в 1969 г. Киев, 1972. Вып. 4. С. 261 (на укр. яз.).

¹⁹ Северный район раскапывается начиная с 30-х гг. Г. Д. Беловым, в настоящее время — его учеником Ю. П. Калашником. В 40—50-е гг. в экспедиции наряду со специалистами по античности работали историки-медиевисты. Материалы раскопок этих лет в основном опубликованы. Раскопки других кварталов северного района также представляют значительный интерес в плане анализа раннесредневековых комплексов, но они не опубликованы.

²⁰ См.: Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.) // МИА. 1953. № 34. С. 213.

²¹ См.: Там же. С. 204.

²² См.: Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. 1953. № 34. С. 90.

²³ См.: Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Севастополь, 1938. С. 285.

²⁴ См.: Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII ... С. 216.

²⁵ См.: Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 232. Ср.: Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI ... С. 90.

²⁶ См.: Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса ... С. 232.

²⁷ См.: Белов Г. Д. Отчет о раскопках ... С. 89.

²⁸ По плану расположения цистерн Херсонеса это цистерны 74 и 75 (см.: Романчук А. И. План рыбозасолочных цистерн ... С. 25).

²⁹ См.: Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII ... С. 118.

³⁰ См.: Там же. С. 120.

³¹ См.: Белова Л. Н. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII // МИА. № 34. С. 269.

³² Мы не останавливаемся на дискуссии о многократном ремонте базилики, который приходится на период с VI по X в., и датировке ее фресок

(подробнее об этом см.: **Домбровский О. И.** Фрески южного нефа Херсонесской базилики 1935 года // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 207—228).

³³ См.: **Белов Г. Д.** Раскопки в северной части Херсонеса ... С. 232.

³⁴ См.: **Там же.** С. 207—208.

³⁵ См.: **Там же.** С. 224.

³⁶ См.: **Там же.** С. 217.

³⁷ См.: **Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф.** Кварталы XV и XVI ... С. 88—89.

³⁸ См.: **Белов Г. Д., Якобсон А. Л.** Квартал XVII ... С. 126.

³⁹ См.: **Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.** Квартал XVIII ... С. 184.

⁴⁰ См.: **Там же.** С. 204.

⁴¹ См.: **Там же.**

⁴² См.: **Там же.** С. 205.

⁴³ См.: **Белов Г. Д.** Отчет о раскопках в Херсонесе ... С. 109.

⁴⁴ В описи монет Л. Н. Беловой (см.: **Белова Л. Н.** Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII // МИА. № 34. С. 260—278) приведены монеты VII—VIII вв., найденные в слоях, образовавшихся после X в.: Маврикия (2 экз.), византийская VII—VIII в. (1) — в нартексе базилики, византийская VIII в. (1) — в нартексе.

⁴⁵ См.: **Романчук А. И.** Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. 1979. Вып. 10. С. 249.

⁴⁶ Правда, радиоуглеродный анализ угля из этого слоя также показал середину VII в. (см.: **Фирсов Л. В.** Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск. 1976. С. 164).

⁴⁷ Подробнее об этом см.: **Романчук А. И.** Слои VII—VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 3—13.

⁴⁸ См.: **Кадеев В. И., Романчук А. И.** Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО—1971. М. 1972. С. 373.

⁴⁹ См.: **Даниленко В. Н., Кадеев В. И., Романчук А. И.** Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО—1969. М., 1970. С. 282.

⁵⁰ См.: **Романчук А. И.** Новые материалы о времени строительства рыбозасоленных цистерн в Херсонесе // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 41.

⁵¹ Здесь и далее типы амфор указаны по публикации: **Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашуга Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.** Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81—101.

⁵² См.: **Зеест И. Б.** Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 174. Табл. XXXVIII, 95.

⁵³ См.: **Феофан, 711—712 гг.** // **Чичуров И. С.** Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 64—65.

⁵⁴ См.: **Якобсон А. Л.** Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 38.

⁵⁵ См.: **Антонова И. А.** К вопросу о хронологии строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. 1979. Вып. 13. С. 5.

⁵⁶ См.: **Гриневиц К. Э.** Северо-восточные кварталы Херсонеса // ХСб. 1931. Вып. 3. С. 9.

⁵⁷ См.: **Золотарев М. И.** Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса в 1983 г. // Арх. ХГИАЗ. Д. 2391. Л. 4—10.

⁵⁸ См.: **Золотарев М. И.** Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // АО—1982. М., 1984. С. 281.

⁵⁹ См.: **Рыжов С. Г.** Доследования «Северной базилики» в Херсонесе // АО—1981. М. 1983. С. 314.

⁶⁰ См.: **Якобсон А. Л.** Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. С. 230. Позднее А. Л. Якобсон отмечал, что датировать храм сложно из-за состояния его остатков, но сравнительный анализ плана указывает, что время сооружения относится к VIII—X вв. Окончательно автор датирует его IX—X вв. (**Якобсон А. Л.** Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 217).

⁶¹ Кроме приведенных, следует отметить два яруса водостоков ранне-средневекового периода в центре портового квартала I (см.: **Кадеев В. И.** Раскопки в портовом квартале Херсонеса // АО—1981. М. 1983. С. 264.

⁶² Один из раскопанных комплексов терм, известных в Херсонесе к настоящему времени, находится на территории цитадели. Он прекратил свое существование к началу интересующего нас периода. Второй, построенный в конце римского времени, функционировал до второй половины X в.— квартал IX (см.: Рыжов С. Г. Исследование IX квартала в северном районе Херсонеса // АО — 1982, М., 1984. С. 326). Третий возникает в IX в. в квартале III (см.: Золотарев М. И. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // Там же. С. 261.)

⁶³ Например, печи VIII—IX вв. (см.: Борисова В. В. Средневековая гончарная печь. // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 45; Золотарев М. И. Херсонесский гончарный комплекс VIII—IX вв. // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 145—148; Рыжова Л. А. Гончарная печь VIII—IX вв. вблизи Херсонеса (в районе Радиогорки) // Там же. С. 149—156.

В. Е. РУДАКОВ, В. П. СТЕПАНЕНКО
Уральский университет

К ДАТИРОВКЕ РЕЗЬБЫ БАКЛИНСКОГО ХРАМА

Баклинское городище — самое северное из так называемых пещерных городов юго-западного Крыма — расположено около с. Скалистое Бахчисарайского района Крымской области. Хотя последнее упоминается в исторической литературе с 1837 г., стационарные раскопки его начались лишь в 1961 г. В 1978—1980 гг. баклинским отрядом Крымской археологической экспедиции УрГУ на посаде городища были частично раскопаны два последовательно сменяющие друг друга храма¹.

Ранний храм в плане представляет собой крест с удлиненным наосом и более короткими южным и северным нефами. Фундаменты храма выполнены в двухлицевой постелисто-тычковой технике кладки из плотно подогнанных блоков бодракского известняка без связующего раствора, а стены — в исодомной двухслойной постелисто-ложковой технике кладки. Наос размерами 11,65×4,1 м в восточной части замыкается полукруглой апсидой 4×3 м с трехступенчатым синтроном и остатками каменной выкладки для установки престола. Под наосом расположено склеп-усыпальница (5,7×1,93×1,84 м) с полукруглым сводом².

Позднее в центральном нефу храма возводится однонефная церковь обычного для позднесредневекового Крыма типа. При этом ранний храм не погибает, но, по-видимому, забрасываются его приделы и боковые нефы, тогда как конструкции стен центрального нефа используются для возведения новой, меньшей по размерам церкви. Для строительства апсиды последней, вписанной в апсиду раннего храма, используются блоки из разобранных стен боковых нефов. Ими же закладываются проемы в стенах центрального нефа. Все новые стены выполнены в трехслойной двухлицевой постелисто-ложковой технике кладки без четко выраженных рядов кладки на известковом растворе. Уровень пола в новом храме размерами 8,8×3 м был поднят за счет